

С греческого на церковнославянский – с иностранного на иностранный?

В сообщении «Некоторые проблемы перевода богослужебных текстов с греческого на церковнославянский язык» профессор Афиногенов коротко рассказал о трудностях, которые возникают или могут возникнуть у переводчика при работе с богослужебными текстами.

«Перевод с греческого – это перевод с иностранного на не совсем свой для нас язык», - сказал Дмитрий Афиногенов в начале выступления.

С одной стороны, церковнославянский для русского человека – не иностранный, с другой – мы на нем не говорим. Переводчик вынужден приспосабливаться к реалиям, которые упоминаются в тексте, и переводить их, руководствуясь теми принципами, которым следовали переводчики в предыдущие столетия.

«Мы вынуждены исходить в большей мере из прецедента», - так докладчик определил основной принцип переводческой работы.

В ходе выступления он выделил несколько проблем, с которыми необходимо разобраться.

Первая касается синонимов. Известно, что в языке греческих богослужебных текстов, встречается множество синонимов, которые обозначают близкие, но не тождественные понятия, или же передают нюансы, грани того или иного понятия, что делает текст очень выразительным, переливающимся. В большинстве случаев в церковнославянском языке такого количества близких по смыслу разнокорневых слов нет, так что переводчик оказывается очень ограничен в лексике.

К примеру, в церковнославянском языке слова, однокоренные глаголам «петь», «воспеть» используются для перевода всего круга греческих слов, обозначающих пение: «ὀμνεῖν», «ψάλλειν», «ᾄδειν», «μέλπειν», «μελωδεῖν» и так далее.

Нетрудно понять, что при переводе теряются какие-то оттенки. Частично их можно передать, используя приставки, например, в глаголе «воспеть» («ἀνομνεῖν»), но не всегда. К примеру, в церковнославянском нет глагола, аналогичного греческому «μελωδεῖν» (буквально «сладкопеть»). Однако же есть святой Роман Сладкопевец (Ῥωμανὸς ὁ Μελωδός), чье прозвание произошло именно от этого глагола.

Следующий круг понятий связан со словом «свет». Правда, с этими синонимами проблем меньше, потому что в церковнославянском языке существуют разнокоренные слова, обозначающие световые понятия. Кроме того, за некоторыми словами «закреплены» соответствующие слова церковнославянского языка (это как раз случай следования прецеденту).

Так, «τὸ φῶς» принято переводить как «свет», «ἡ αὐγή» - как «заря», «ἡ μαρμαρυγή» и «ἡ ἀστράπη» - как «блистание». Правда, словом «блистание» переводятся уже два понятия, причем из церковнославянского слова «блистание» совершенно не ясно, что «ἡ ἀστράπη» и однокоренные ему слова обозначают блистание, подобное блеску молнии.

При этом остаются другие «световые» слова, церковнославянский аналог для которых приходится подбирать по контексту – «λαμπρός», «τὸ σέλας», «ἡ αἴγλη» и другие.

У византийских гимнографов встречаются фрагменты, в которых они подряд используют несколько слов этого ряда. Не находя в церковнославянском языке достаточного количества синонимов, переводчик вынужден буквально «жонглировать» имеющимися в его распоряжении словами, чтобы хоть как-то избежать тавтологии и не повторять несколько раз подряд слово «свет». Может быть, перевод получается

не совсем точным, однако, как заметил профессор Афиногенов, при этом «не создается впечатление постоянной тавтологии».

Он привел еще некоторые примеры понятий, при переводе которых у переводчиков возникают вопросы. В частности, отметил, что переводчику важно помнить, что некоторые слова имеют два значения: «ὁ ἔρως» - «любовь» и «рачение»; «ὁ πόθος» - «желание» и «любовь»; «ἡ ἐλπίς» - «надежда» и «упование».

Также докладчик кратко рассказал о некоторых моментах, связанных с переводами грамматических конструкций.

Отвечая на вопрос о том, следует ли исходить из прецедента при переводе прозаических текстов, например, богословских трактатов, Дмитрий Афиногенов ответил, что, скорее нет, поскольку читатель имеет право читать их на современном ему языке. В данном случае архаизация текста не оправдана.

Дмитрий Афиногенов